

Василий САБЛИН

Энциклопедист из Кичменгского Городка

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели! Недавно на страницах «Зари Севера» вы познакомились с работой доктора исторических наук, профессора, декана исторического факультета ВоГУ, уроженца д. Голузино Кичменгско-Городецкого района Василия Анатольевича Саблина о нашем выдающемся земляке, церковном историке Николае Никаноровиче Глубоковском.

В сегодняшнем номере районной газеты мы начинаем публикацию еще одной работы В.А. Саблина о семье Глубоковских. На этот раз речь пойдет о брате Николае Никаноровича Матвее Никаноровиче Глубоковском – человеке интересной судьбы, широких энциклопедических знаний, заслужившем не меньшее признание в обществе, чем его брат.

Эта работа была подготовлена Василием Саблиным специально для «Зари Севера» и опубликована впервые в 1988 году.

В один из дней 1895 года в московский фотосалон «Шерер и Наболицы» зашел молодой уже господин с целью заказать фотографию. Копию с нее я обнаружил среди массы фотографий Вологодского краеведческого музея. На тыльной стороне надписью карандашом: «Матвей Никанорович Глубоковский, писатель. Кичменгский Городок». Признаться, до этого я не знал ни одного писателя-земляка, вот почему сразу заинтересовался этим человеком и решил разузнать о нем как можно больше. К сожалению, сведения собирались по крупицам, и, боюсь, не все еще ясно в его многотрудной жизни. Да, он действительно был писателем, но больше все же изобретателем... Впрочем, обо всем по порядку.

«Всегда был первым лишь потому, что нельзя было поставить выше»

М.Н. Глубоковский – выходец из семьи потомственных священнослужителей. Дед его, Петр Никанорович Селезнев, служил дьячком Глубоковской Спасо-Преображенской церкви Вельского уезда Вологодской губернии. Трижды женатый, он имел двух сыновей и шесть дочерей. Старший его сын, Никанор Петрович, в будущем отец М.Н. Глубоковского, окончил Вельское духовное училище, а в 1838 году – Вологодскую духовную семинарию. Кстати, во время обучения в училище он и получил фамилию Глубоковский, либо по названию родного села, либо озера близ него.

19 июня 1839 г. Н.П. Глубоковский был рукоположен во священника к Троицкой Селезневской церкви, что в 60 верстах от Вологды. 12 мая 1839 года он женился на дочери местного священника Матвее Родионовича Ивановского, Платониде Матвеев-

не. В семье Глубоковских родились дочь Анна, сын Петр, дочь Мария.

23 марта 1849 года семья Н.П. Глубоковского покидает Селезнево в связи с тем, что он «по доброй воле» перешел в старшие священники к Кичменгской Спасо-Преображенской церкви Никольского уезда Вологодской губернии. Здесь родились еще четверо сыновей: Василий, Матвей (27 октября 1857 г.), Александр, Николай.

Матвеем шел девятый год, когда умер отец. Это случилось 23 февраля 1865 года. Семья осталась практически без средств к существованию. Все заботы о судьбе детей выпали на долю матери, Платониды Матвеевны. Лишь старший Петр к этому времени был устроен, с 1861 года он служил священником в Спасо-Преображенской церкви села Вохма Никольского уезда (ныне Костромской области).

Не могу предположить, как бы сложилась жизнь у этой семьи, если бы не счастливый случай, а вернее – благородство молодого священника Василия Михайловича Попова, сына пономаря Кобыльской Ильинской церкви Михаила Леонтьевича Попова. 30 января 1867 года он женился на старшей дочери Глубоковских Анне и перевез всю семью в Кобыльск. С этого дня он стал как бы опекуном несовершеннолетних детей. Только благодаря его заботам все они «вышли в люди». Александр, к примеру, стал кандидатом богословия, работал старшим преподавателем латинского языка в духовном училище г. Уральска, младший Николай – профессором Санкт-Петербургской духовной академии, экзегетом, церковным историком. Матвей также должен был стать священником, другого пути в тех условиях выходцам из семей духовенства было практически не дано.

В 1872 году М.Н. Глубоковский окончил Никольское духовное училище и вскоре поступил в Вологодскую духовную семинарию. Если в Никольске он еще получал хоть какую-нибудь помощь от родных, то в Вологде жить и учиться было очень нелегко. Приходилось подрабатывать в качестве певчего в церковных хорах, а впоследствии заняться «певческой антрепризой» – руководить одним из хоров. Впрочем, это не была просто работа. Свои практические наблюдения за техникой голоса и исполнения он обобщил в книге «Гигиена голоса». Книга увидела свет в 1889 году и стала весьма популярным учебником «для артистов, учителей, учеников и любителей пения, ораторов и проповедников». Но это в будущем, а пока главное – все же учеба. О его прилежании и упорстве знали не только в стенах семинарии. Это позволило брату Николаю написать впоследствии, что он «всегда был первым потому, что нельзя было поставить выше».

В 1876 году юноше исполнилось 19 лет. Позади четыре класса семинарии. Еще немного – и впереди рукоположение и, возможно, свой приход, но Матвей оставляет семинарию и в этом же году поступает в Лазаревский институт восточных языков в Москве. Являлся ли уход из семинарии са-

мостоятельным шагом? Да, несомненно. Был ли это своего рода бунт против семинарского образования? Сложно сказать. Во всяком случае, он до конца жизни оставался верующим человеком. И в семинарии не рассматривали этот поступок как какую-то измену. Во всяком случае, из своих скудных средств семинария выплачивала ему стипендию, когда он уже учился в институте. Берусь предположить, что в определении дальнейшей судьбы Матвеев не самую роль сыграл лектор Вологодской семинарии, впоследствии епископ пермский Петр (в миру Петр Леонтьевич Лосев). Он высоко чтит своего ученика. Обнаружив в нем пытливый интерес к естественным и точным наукам, отец ректор всячески их развивал.

Лазаревский институт восточных языков – единственное в России высшее учебное заведение такого рода. Основан был в 1815 году как частное «Армянское Лазаревых училище» на средства богатой армянской семьи Лазарян. Официальное название института утвердилось за ним в 1828 г.

По уставу 1872 г. он состоял из гимназических и специальных классов с трехлетним сроком обучения. Глубоковский учился в специальных классах, где готовили специалистов арабского, персидского, турецкого и древних языков Закавказья. Студентам предоставлялось право посещать лекции на историко-филологическом факультете Московского университета. Это старейшее учебное заведение существует до сих пор, с 1921 года – как Московский институт востоковедения.

По окончании полного курса института М.Н. Глубоковский в 1879 году добровольцем идет служить в армию. В 1880 году бомбардир М.Н. Глубоковский оставляет 1-ю батарею 1-й гренадерской артиллерийской бригады и поступает на первый курс медицинского факультета Московского университета. По свидетельству его брата Николая, в университет он проник «с бою» «после непосредственного счастливого объяснения с министром Сабуровым и по личному его распоряжению, вопреки оппозиции многих властей».

Учеба в университете была одним из наиболее трудных, но и счастливых периодов его жизни. Сложных – потому что приходилось постоянно заботиться о хлебе насущном, «пробавляться грошовыми уроками», от случая к случаю получать деньги за опубликованные заметки в газетах, заниматься корректурой (корректурные навыки он обобщит впоследствии в отдельной брошюре «Корректурные правила для авторов, издателей, корректоров и наборщи-



Матвей Никанорович Глубоковский.

ков», увидевшей свет в 1895 г.), счастливых – потому что университет давал то, к чему он стремился всю жизнь, – возможность заниматься интересным делом. Он совершенствует свои знания математики («пред ним часто пасовали и бесспорные специалисты»), древних языков («любил объясняться без затруднений, приводя в замешательство присяжных филологов»), поэзии (еще «на училищной скамье он довольно свободно располагал стихом, а после мог сразу писать в каком угодно стихотворном стиле и на всякие темы, даже библиографии о медицинских книгах»). Не менее компетентен был он в естественных и прикладных науках, к которым тяготел еще в училище, где составил большой гербарий, не говоря уже о медицине во всех составных и сопряженных частях.

Преподавательская корпорация медицинского факультета могла считаться в то время гордостью университета. Достаточно отметить, что с 1880 г. по 1882 г. деканом факультета являлся профессор Н.А. Тольский, один из основоположников педиатрии в России, основатель отечественной научной школы педиатров, с 1882 г. его сменил на этом посту Н.В. Склифосовский, известный хирург, способствовавший внедрению в русскую хирургию принципов асептики и антисептики.

В 1885 г. Матвей Никанорович окончил университет, получив диплом лекаря (официальное название врача в дореволюционной России). На следующий год он поступает на службу в ведомство Министерства Императорского двора в качестве дежурного врача при Императорских Московских театрах (Большом и Малом театрах). Должность эта, хотя и почетная, не приносила ему никакого дохода, так как не оплачивалась. Впрочем, не стал он и частным практикующим врачом. Вообще «медицинской профессией пользовался редко, часто бескорыстно, но желал достигнуть почти бесплатного (и во всяком случае необременительного) лечения для бедняков и в этом смысле пробовал добиться в Москве некоторого его осуществления». Где же он брал средства к существованию?

(Продолжение – в следующем субботнем номере «Зари Севера».)

Фотографии с сайта «Православная библиотека».

Проект «Патриотическое воспитание» реализуется при поддержке управления информационной политики Правительства Вологодской области.

ГЛУБОКОВСКИЕ. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФАМИЛИИ

В автобиографии Николай Никанорович Глубоковский писал: «Родовая фамилия была «Проворов» (от слова «проворный»), а «Глубоковскими» (по селу Глубокому) были записаны отец Никанор и его брат Павел».

Местность, где ранее стояло село Глубокос, находится в 7 км «по проселку» от станции Коноша по Архангельской железной дороге. Во времена Иоанна Грозного здесь находилась мужская пустынь во имя Преображения Господня, а после закрытия ее – погост. На высоком восточном берегу озера Глубокого, «узкого как река», но глубиной до 20 саженей, стояла «каменная прочная и благоуукрашенная как со вне, и колыма паче внутри» Спасо-Преображенская церковь, где почти на протяжении века были дьячками прадед и дед Николая Никаноровича.

Приход закрыли в 1860-е г., но церковь простояла до 1950-х гг. На кирпичи для печей была разобрана зимняя церковь, а затем взорвана летняя. Остатки церковного фундамента видны и доныне.

Т.А. Богданова.
«Человек точной науки и горячей веры...»



1 октября 2019 г. в Вологде на здании Вологодского государственного университета была открыта мемориальная доска М.Н. Глубоковскому.

Василий САБЛИН

Энциклопедист из Кичменгского Городка

Начало – в газете
«Заря Севера» от 1.05.2021 г.

«Журналистика затянула его. Все свои силы он отдал ей одной и не мог уж ее покинуть»

Итак, журналистика. Следует оговориться, что в те годы под этим термином понималось гораздо больше, чем сейчас. Это был широкий спектр научной, исследовательской и общественно-политической деятельности.

Имя М.Н. Глубоковского было довольно широко известно читателям. Его заметки и корреспонденции появлялись в таких изданиях, как «Московский телеграф», «Русское слово», «Московский листок», «Русское дело», «Санкт-Петербургские ведомости» и многих других.

Больше он был связан с «Московскими ведомостями». Свою карьеру в газете он начинал с поденного корректора и поднялся до роли активного сотрудника. Сложно сказать теперь, что сближало его с редактором М.Н. Катковым, известным в 70-80-е годы XIX века публицистом среди сановников бюрократии империи. Возможно, то, что обоим небезынтересны были вопросы внешней политики. М.Н. Катков в какой-то мере делал попытки предугадать правительственный курс.

М.Н. Глубоковский также серьезно увлекался проблемами европейской и восточной политики. Стучалось, что целые месяцы им составлялись передовые статьи, в особенности о том, что касалось Франции.

После смерти Каткова с 1887 по 1896 год пост главного редактора газеты занимал С.А. Петровский. М.Н. Глубоковский при нем одно время работал помощником редактора.

Сотрудничество с газетой сблизило Матвея Никаноровича с целым рядом политических деятелей Европы. В частности, с генералом Буланже, участником Австро-итало-французской войны, Франко-прусской войны, участником подавления Парижской коммуны, впоследствии лидером французского национал-шовинистического движения, известного как буланжизм.

Бывал у него в комнатке дешесвых номеров «Луч» на Тверской улице и известный политический деятель Франции, поэт Поль Дериулет.

Может показаться, что дружба с такими людьми в какой-то степени отражала политические взгляды самого Глубоковского. Думать так – значит явно сгущать краски. Кроме того, многие из русской интеллигенции испытывали к побежденной Франции явные симпатии. Жив был в памяти и недавний позор Крымской войны. Это и сближало обе стороны.

Что касается М.Н. Глубоковского, то он всегда стремился к независимости своих суждений и поступков. Однажды его племянник случайно поднял клочок бумаги, на котором Матвей Никанорович составил свой вариант пушкинской «Песни о вещем Олеге». Эти строки – еще одно свидетельство того, почему он «остался до конца дней своих только журналистом».

Приведем строфы «О литературных наемниках»:

...Волхвы не боятся газетных владык
и дар (лукавства) им (вовсе) не нужен.
Правдив и свободен их вещей язык
и с волей небесного дружен.
Грядущие годы таятся во мгле,
но вижу твой жребий на (плоском) челе.
Запомни же ныне ты слово мое,
чернильница, полная яда.
Давно уж прославлено имя твоё,
под фирмой «отчизны ограда».

Перо у тебя не боится трудов.
Узнавши (владычную) волю,
оно то стоит под стрелами врагов,
то мчится по строчному полю.
Вранье или правда – тебе ничего,
но примешь ты смерть от пера своего!

1890 год. Время расцвета деятельности М.Н. Глубоковского. Он задумал «издавать научно-популярный журнал, причем намерен был вести его серьезно, строго научно. Прикладные знания, жизнь, он ставил рядом с наукой. Ему первому принадлежит мысль об издании такого журнала».

Журнал «Наука и жизнь», прообраз современного, выходил до 1895 года. По своему содержанию он вполне соответствовал названию. В нем содержалось 16 разделов, среди которых «История и философия», «Астрономия – космография», «Математика», «Медицина – гигиена», «Воздухоплавание», «Фотография» и другие – практически по всем отраслям знаний. Отличный журнал, он стоил Глубоковскому немалых трудов и, по сути дела, разорил его.

Сам он писал брату: «Я поставил вабанк: все что было наличного ухлопал до копейки, занял всюду, где было можно. Будущее зависит от подписки. Если бы к январю (1890 г.) набралось 1000 подписчиков, то дело выгорело бы, ибо к февралю их, наверное, было бы уже 2000, а в этом случае я мог бы издавать «Науку и жизнь» уже хорошо».

Подписчиков на журнал оказалось действительно много, но большие расходы и другие обстоятельства заставили все же прекратить издание. С 1894 по 1897 годы он издает и редактирует журнал «Дело», но по тем же причинам вынужден был закрыть и его.

«Наука и жизнь» – явление само по себе уникальное в русской действительности конца прошлого века, собравшее плеяду прославленных имен. С журналом сотрудничали А.П. Артарн, русский ботаник, один из первых в России начавший работу с чистыми культурами водорослей, А.И. Воейков, основоположник русской климатологии, А.Г. Столетов, физик, автор классического исследования магнитных свойств железа, исследователь газового разряда, К. Энглер, немецкий химик-органик, основоположник теории органического происхождения нефти и перекиси теории окисления, и целый ряд других видных ученых.

В номерах с 43-го по 46-й журнала за 1894 год появилась статья «Аэроплан или птицеподобная (авиационная) летательная машина», принадлежавшая К.Э. Циолковскому. По признанию самого автора, «до этого еще никто не разработал так подробно теорию аэроплана и с такими конкретными выводами, только теперь оправдавшимися».

Работа, опубликованная в «Науке и жизни», составила целую эпоху в развитии авиационной техники.

«Птицеподобная машина» предвосхищала конструкции самолетов, появившихся через 15-18 лет. Следует отдать должное М.Н. Глубоковскому за его научную прозорливость и тот риск, на который шел он, публикуя «фантастический» по тем временам проект аэроплана. Надо думать, редактор журнала был пленен смелостью проекта Циолковского.

«Он только и думал об изобретениях»

В каких только областях он не пытался применять свои энциклопедические знания!

Можно только удивляться, сколь настойчив и пытлив был его ум! Ему принадлежит множество сконструированных акустических приборов и приспособлений, частью предвосхищавших идею граммафо-



Содержание № 25. Следующий № будет ДВОЙНОЙ и выйдет 14 июля.
Узнав Копия. Мил. Народ. Проск. журн. «Наука и Жизнь» – добрый для увеличения (старшего номера) библиотеки средней школы... Довольно сн. обращать на выделенные народными читателями.

Изобретения Чесышева на Выставке в Чикаго.
«Эта старая история, шедшая славянскими делами» – писал Н. П. Лобачевский, ставший известным только после изобретения дождя (принцип Чесышева), тогда, когда на его сочинения обратили внимание Гельм-

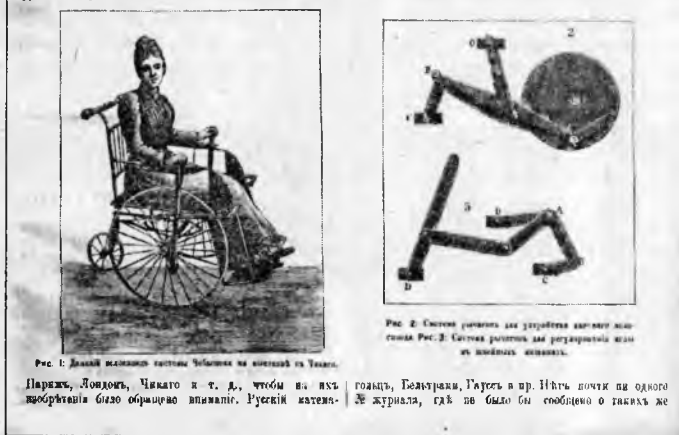


Рис. 1. Девятый иллюстрированный выпуск «Науки и жизни» на выставке в Чикаго.
Париже, Лондоне, Чикаго и т. д., чтобы на них...
Рис. 2. Система (устройство) для увеличения (старшего номера) библиотеки средней школы... Довольно сн. обращать на выделенные народными читателями.

нов. Он безуспешно пытался усовершенствовать ружье, изобрел «добротомер» – аппарат для механического печатания рисунка на тканях, «самоход» – приспособление для быстрой остановки, перепрыгивания экипажей и превращения их из саней в колесные и наоборот, установил особый телефон у себя в квартире и в помещении редакции «Московских ведомостей», придумал карманный бильярд и сконструировал механическую камнедробилку. По признанию специалистов, она была весьма совершенной, но тогдашняя обстановка была весьма «неблагоприятна для подобных новшеств» и требовала «прежде позаботиться об аппарате для пробивания медных лбов».

Из изобретений Глубоковского более широкое применение нашел «механический староста» – автомат для продажи свечей в церкви, а также хитроумно устроенные кресты на церквях с зеркалами вместо позолоты.

Как врач, он составил множество лекарственных экстрактов (в частности, мазь «Анти-болин»), питательных бульонов и приспособлений для лечения невралгий.

Он сконструировал лечебный индуктор «Электра» – переносную портативную машину, основанную на использовании электрического тока. Его индуктор весьма успешно использовался для лечения седалищной невралгии, ревматизма, при анестезии, парестезии и т. п. Аппарат «Пневма» предназначался для лечения легочных болезней, гриппа, бронхита, туберкулеза.

Ряд его проектов остался на бумаге. Но, полагаю, о них небезынтересно узнать. В частности, он опубликовал план поднятия затонувшего в 1897 году «Гангута» и отыскания пропавшей в водах Балтики в 1893 году «Русалки».

Особое любопытство вызывает еще один проект. По поводу его газета «Старый москвич» разразилась разгромной статьей: «...теперь мы видим новое бесцеремонное посягательство на старину. Нашлись люди, составившие проект реставрации царь-колокола. Их двое: горный инженер Н.Г. Славянов и доктор М.Н. Глубоковский. Первый изобрел какой-то новый способ электрической плавки металла, который и предполагает применить к царь-колоколу; второй, помимо участия в составлении проекта, поместил о нем статью в издаваемом им журнале «Наука и жизнь...» К чему придут техники, пока покрыто мраком неизвестности: но мы от души пожелаем бы, чтобы

опыт с открытой Славяновым плавкой был произведен над чем-либо другим...»

Более трезовой была оценка «Московских ведомостей»: «...проект Славянова и Глубоковского представляет для техников особый интерес, во-первых, вследствие новизны изобретения г. Славянова, во-вторых же, по причине тех необычайных технических трудностей, с какими сопряжена реставрация царь-колокола, при условии сохранения всех орнаментов...»

Н.Г. Славянов (1854-1897 гг.) в то время работает горным начальником на заводах в Перми. Он впервые применил электроток для прямого нагрева. В 1888 году разработал и произвел сварку металлическим электродом с предварительным подогревом изделия, которую назвал способом электрической отливки металлов. Таким способом предлагалось воссоздать царь-колокол. Не ясно, при каких обстоятельствах М.Н. Глубоковский познакомился с Н.Г. Славяновым. Но сотрудничество их было довольно длительным. Можно предполагать, что какую-то роль в этом сыграл епископ пермский Петр, ушедший ректор Вологодской семинарии, наставник М.Н. Глубоковского.

Благодаря ему Славянов с февраля 1893 года по декабрь 1894 года исправил в спархии 34 колокола общим весом 1623 пуда. Отреставрированные колокола звонили не хуже, чем раньше. За все время опытов был единственный срыв, когда прихожане, получив вновь оживший колокол, полдня звонили в него, причем неправильно – об один край, – и так-таки выломали его.

До царь-колокола дело не дошло, но для нас удивительное другое – умение Глубоковского находить интересных людей и работать с ними.

(Продолжение – в следующем субботнем номере «Зари Севера».)

Фотографии с сайта «Православная библиотека».

Проект «Патриотическое воспитание» реализуется при поддержке управления информационной политики Правительства Вологодской области.

Василий САБЛИН

Энциклопедист из Кичменгского Городка

Окончание.

Начало – в газете «Заря Севера»
от 1.05.2021 г., 8.05.2021 г.

Кох-и-Нор?!

Да, действительно, это тот самый знаменитый бриллиант. Но какое отношение он имеет к интересующему нас человеку?

Прежде всего о камне. Первые сведения о нем относятся к 1306 г. Найден он был в Индии в копиях Голконды и достигал огромных размеров – приблизительно 800 карат.

В древности считалось, что тот, кто владеет камнем, владеет Индией.

В 1306 г. султан Алладин Кхили обманом отнял камень у царя Малвы и перенес его в Дели. Два века спустя Хумаюн, сын основателя государства Великих Моголов Бабура, занял Агру и нашел там Кох-и-Нор. Когда ему пришлось бежать в Персию, он в благодарность за гостеприимство подарил камень персидскому шаху.

В XVII веке алмаз вновь оказался в Индии и украшал трон Шах-Джахана – правителя империи Великих Моголов.

«Это же настоящая гора света», – воскликнул персидский шах Надир, когда увидел в короне побежденного правителя в Дели сверкающий камень, и тотчас же предложил тому в знак дружбы поменяться головными уборами. Что тому оставалось делать? Так алмаз вновь оказался в Персии.

В 1747 г. Надир-шах был убит своим телохранителем в г. Исфахан. Алмаз вскоре перешел к афганцу Ахмаду Абдали (Ахмад-шаху), основателю Дурранийскую державу с центром в г. Кандагар. Его сын Тимур в 1773 г. перенес столицу в Кабул и перевез туда сокровища отца.

После его смерти за престол отца боролись 23 сына. Бриллиант оказался у Шуджи уль-Мулька, который вскоре был прогнан с престола и в 1813 г. оказался в Лахоре под покровительством махараджи Ранджита Сингхи, основателя Пенджабского государства сикхов, и перешел к нему.

Последний правитель Лахора, малолетний Далип Сингх (1838-1893 гг.), был свергнут в 1849 г. англичанами, и камень вскоре украсил брешь королевы Великобритании Виктории.

Сам Далип Сингх попал в Англию и содержался в качестве почетного пленника. Конфликт махараджи с королевой начался вскоре после достижения им совершеннолетия.

В основе его лежали материальные претензии, в частности, махараджа требовал вернуть ему Кох-и-Нор. Впоследствии он стал вынашивать планы общиндийского восстания против англичан, и с этой целью пытался склонить Александра III к поддержке. Действовал он сначала через русское посольство в Париже, а в 1887 г. оказался в Москве вместе с великим шейхом Джемаль-ад-Дином. Помог ему в этом небезвестный Катков М.Н. Он, вероятно, помог оформить махарадже и русский паспорт.

Московская общественность довольно сочувственно отнеслась к его замыслам, хотя его надежды на то, чтоб подтолкнуть Россию к войне с Англией, во многом отвалили авантюрой, как, впрочем, и его последующие попытки просить в Среднюю Азию и оттуда с помощью русских войск начать освобождение Индии.

«Московские ведомости» писали в сентябре 1887 г.: «Махараджа решил порвать все отношения с Англией и поселиться в России. Мы приветствуем его. Среди нас он встретит сочувствие, которого, безусловно, заслуживает его судьба».

Московский генерал-губернатор В.Д. Долгоруков назначил при нем чиновника особых поручений кн. С. Шахасва (товарищ М.Н. Глубоковского по Лазаревскому институту), а М.Н. Катков в свою очередь – А.П. Шляпина, вологжанина, известного красведа, прекрасно знавшего английский язык, близкого друга М.Н. Глубоковского.

Сам Глубоковский, как знаток восточных языков, также часто встречался с Далип Сингхом. Поскольку британский посол в России Роберт Морьер держал своего шефа, министра иностранных дел Великобритании Солсбери в курсе всех жизненных обстоятельств махараджи, имя Глубоковского, вероятно, часто фигурировало в его депешах в Лондон.

В связи с этим следует упомянуть о контактах Матвея Никаноровича с великим турецким шейхом Джемаль-ад-Дином, предлагавшим помощь махарадже в его освободительных проектах, а также с П.И. Амминовым, личностью весьма таинственной, называвшим себя «вольным казаком», человеком необычайной физической силы (правой рукой свободно поднимал 15 пудов), сторонником похода России в Индию и сближения ее с Абиссинией (Эфиопией).

Глубоковский не считал последнего авантюристом, называл его не иначе как «новый Ермак Тимофеевич» и весьма положительно относился к его замыслам.

Превосходно владел русской речью

О филологических занятиях Глубоковского стоит сказать особо. Собственно он и был больше известен именно как литератор. Известны его рассказы «Мельник», «Суд божий», «Ночь на Ивана Купалу», «Проклятое озеро», комедия «Светила науки», незаданные комедии «Уха», «Теперь я барыня» и другие.

Он превосходно владел русской речью и, дорожа ее чистотой, глубоко скорбел о падении литературного слога. В фельетоне «Русская безграмотность и упадок современной литературы», помещенном в «Новом времени», он писал: «У нас... возведенные в почетное звание литераторов всевозможные проходимцы успешно вводят русско-немецко-французский жаргон». Едко издеваясь над литературными штампами типа солнце – не иначе как «прекрасное, величественное, дневное светило», луна – «полночная красавица, странница», вор – «любитель чужой собственности», огонь – «бурная всепожирающая стихия», гороховой – «блжуститель общественной тишины и порядка», Глубоковский противопоставляет им по части «словесности» лишь одно сочинение, действительно безукоризненное по языку и стилю, – «Записки охотника» И.С. Тургенева.

«...Везде сквозит скороспелость, спешность, болтливость, неряшливость! ...Увы, это наш русский современный язык, фабрикуемый всякими личностями, стоящими ныне «во главе умственного развития страны», проповедующими свои «взгляды», словом «руководящими» просвещением России».

Что тут можно добавить? Разве что звучит вполне современно.

В статье «О русском произношении и правописании» Глубоковский обстоятельно разработал проекты упрощения русского правописания, некоторые тонкости алфавита и стилистики. Отвечая на вопрос о русском произношении и размышляя, должны ли мы дорожить им, он в качестве примера привел весьма знаменательный приказ директора московских императорских театров о том, чтобы артисты правильно произносили текст, по-русски.

«Чистоту языка народы должны охранять так же свято, как отдельные лица чистоту своей совести». Не о сокращении преподавания родного языка надо думать, а наоборот,



М. Н. Глубоковский

ГИГИЕНА ГОЛОСА

Для артистов, учителей,
любителей пения,
ораторов
и проповедниковСовременное издание книги
М.Н. Глубоковского.

рот, об устроении и расчистке его – вот за что ратовал М.Н. Глубоковский на заре нашего века. Слышат ли его потомки?

Занятия филологией, знание многих языков натолкнули Глубоковского на создание международного языка. Примечательно, что его теория языка была построена на математической основе, что обещало бы ей большое будущее, появившись она несколько позже. К сожалению, его книга «Всемирно-научный язык. Возможность и метод его создания» опередила время. Она была издана в 1880 году, когда еще не было речи об эсперанто и волапюк. Читатели больше знают об эсперанто, тогда как волапюк очевидно менее известен. Волапюк – первый искусственный язык для международного общения. Был создан языковедом И.М. Шлейером в 1879 году. Его лексика состояла в основном из западноевропейских языков. Волапюк был очень популярен в 80-х годах 19-го века. Появились даже учебники и словари по волапюку, но уже в 90-х годах интерес к нему значительно ослаб. Попытки реформ так и не смогли его возродить. «Придуманный волапюк всегда останется мертворожденным, негодным для живых людей», – писал М.Н. Глубоковский, – которые будут ощущать лишь запах разлагающегося, но не похороненного трупа». И он был глубоко прав. В условиях расцвета национальных языков любое противопоставление чего-то искусственного было обречено на неудачу. Кстати, М.Н. Глубоковский один из первых отметил и недостатки эсперанто.

* * *

В декабре 1903 года все газеты Москвы (и не только Москвы) сообщили о смерти М.Н. Глубоковского. Он ушел из жизни в 9 часов утра 11 декабря. Причиной стал брюшной тиф, с которым не смог справиться ослабленный туберкулезом организм. Его брат Николай вспоминал: «Приближение своей кончины он констатировал как врач (на основании тщательно записанных медицинских самонаблюдений и сделанного для него анализа мокроты) и предупредил о ней всех с редкой твердостью духа, который, просветляясь, ясное видел, конечно, не одни ошибки, если был полон невозмутимого покоя...»

Похоронен в Москве у Бутырской заставы на кладбище Скорбященского монастыря: такова была последняя воля Матвея Никаноровича – быть похороненным на светлом и обогреваемом солнцем месте.

Материал доктора исторических наук, профессора, декана исторического факультета ВоГУ, уроженца д. Голузино Кичменгско-Городецкого района В.А. Саблина о Матвее Никаноровиче Глубоковском был подготовлен Василием Саблиным специально для «Зари Севера» и опубликован впервые в 1988 году.

АЛМАЗ КОХ-И-НОР ИЛИ «ГОРА СВЕТА»

История у этого камня поразительная и кровавая – его не раз захватывали, силой или хитростью. Мирная «жизнь» у алмаза началась, когда он был преподнесен в дар королеве Виктории (в середине 19-го века). Большой свет он увидел годом позднее – на лондонской выставке. Еще через год камень ждала переогранка, из-за которой он «похудел» почти на 80 карат. Из-за этого утратил алмаз и значительную часть своей привлекательности.

На протяжении многих лет алмаз Кох-и-Нор находится в английской королевской семье, украшая и дополняя собой легендарные драгоценности.

Сначала им дополнили корону королевы Александры, которая перешла по наследству следующей королеве – Марии. Позднее алмаз сменил ювелирное изделие – теперь им украшена корона королевы Елизаветы. И хранится эта реликвия в легендарном месте – Тауэре.

По материалам сайта «Энциклопедия камней».



Алмаз Кох-и-Нор и корона, в которой он находится.



Махараджа Далип Сингх.